

*Джорджу и моей семье.
Наши судьбы связаны одной нитью*

ЧАСТЬ I

ТА, ЧТО ПРЯДЕТ

ПРОЛОГ

ЩЕЛЧОК

Подвесной трамвайчик скользил вперед всего в нескольких дюймах над поднявшейся после прилива водой. Когда он подъехал к станции, тросы застонали под тяжестью перегруженного вагона — и пассажиры закрутили головами, бросая сердитые взгляды. Совсем недавно на Шалфейной улице оборвался трос, из-за чего пассажиры оказались в грязном канале. Трое попали в больницу: даже в преддверии лета вода в бухте была ужасно холодной.

В задней части вагона пожилая дама перебирала у груди пальцами, усеянными пигментными пятнами, словно завязывая невидимый узел. Она не была рождена мойрой: между ее пальцами не было ничего, кроме воздуха. Считалось, что этот жест отгоняет младшую из сестер-мойр — богиню судьбы, которая решает, когда пора обрезать нить жизни.

Старая поговорка гласила: *«Завяжешь раз — и она поймет, что ты не сдаешься».*

В Илах добавляли еще одну строчку: *«Завяжешь тысячу раз — а она все равно разрежет».*

Но старушка была не из Илов. Она носила меховое пальто, чистое и без заплат, а ее седые волосы были уложены в прическу, модную среди представительниц высшего класса: аккуратная коса, заколотая на затылке. Вот только нефриты, когда-то украшавшие шпильки, пропали — на память о них остались лишь пустые бронзовые раковины.

Тросы завизжали на прощание, и трамвай уехал. Старушка подождала, пока станция опустеет, и пошла по мосту, волоча за собой хозяйственную сумку, — скрип колесиков отдавался в каждой ямке на мосту пронзительным эхом. Улицы были безлюдны, но она замечала каждую тень и каждый мимолетный шорох.

Ее муж, который был на двадцать лет старше и любил пугать свою наивную супругу, как-то раз сказал ей, что ночью по затопленным улицам города Аланте шныряет какая-то нечисть. «Эта дрянь прячется в тенях девушек, — посмеивался он, — потом обвивает лодыжки и уже никогда не отпускает». Старушка давным-давно похоронила его. О муже она вспоминала редко, а вот о мерзком чудовище думала каждый день. Она могла поклясться, что чувствует их — кольца, сомкнувшиеся вокруг ее ног, и волочащиеся за ней кандалы.

Ей так хотелось родиться мойрой — ощущать в своих пальцах нити судьбы, тугие и прочные. Она ускорила шаг, чтобы побыстрее оказаться дома, в безопасности: там она сможет, накрывшись пледом, уютно устроиться в кресле с чашечкой крепкого чая и послушать финальный эпизод ее любимой мыльной оперы.

Сериал наверняка уже начался! Проскользнув в квартиру, старушка сразу же включила радио — и комнату

наполнили знакомые голоса актеров. Затем она принялась выкладывать свои скромные покупки: ромашковый чай, пачку сырных крекеров и банку сушеного инжира, купленного со скидкой, — как вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть.

Рот зажала чья-то рука. Банка инжира выскользнула из пальцев и с грохотом упала на пол. Старушка изо всех сил пыталась освободиться: пинала нападавшего, толкала его локтями, наугад царапала. Прическа рассыпалась — выбившиеся белые пряди застилали глаза; каблуки сапог стали липкими от размятого инжира. Из-за стены обеспокоенно окликнула соседка.

«Не волнуйся, — прошептал на ухо незванный гость. Она не могла понять, кому принадлежит этот голос: человеку или окутанному мраком чудовищу. — Это еще не конец».

Если бы старушка родилась мойрой, как и мечтала, она бы почувствовала, что из клубка ее нитей выдергивают нить жизни. Она бы увидела, как та тянется к потолку и исчезает высоко над головой. Она бы заметила, как некто берет одну из своих нитей и натягивает ее между двумя пальцами — серебряную и крепкую, как сталь.

Но старушка слышала лишь *щелчок*.

И нить ее жизни оборвалась.